

РАЗДЕЛ II

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

УДК 17+37.0

О. Д. Олейникова

ПАТРИОТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Патриотизм – это желание видеть в своей родной стране идеал человечества и по всей мере своих сил этому поспешествовать.

В. Г. Белинский

Будущее определяется не только его проектом, но и социальными технологиями, социальной инженерией. Национальная идея России – идея её будущего. Выбрать оптимальный путь развития означает создание условий для самоорганизации, не исключая проектного вмешательства со стороны идей, обеспечивающих вектор развития и ценностно-нормативное согласие в культуре. Есть необходимость обоснования того, что такой идеей должна стать идея патриотизма.

Тайна русского бытия всегда заключалась в том, чтобы не просто жить, а в том, во имя чего жить. Эта „язва“ русского ума, обнаруженная ещё Ф.М. Достоевским, по сей день кровоточит от больных вопросов, терзающих историческую память народа, от осознания того, что если национальный хребет сломан, утрачивается способность к духовному воспроизводству и наступает паралич воли. В современной ситуации кризиса необходима внятная всему населению концепция развития России на перспективу, нужна государственная идеология, то есть система ценностей, которая объясняет и упорядочивает уже наличествующее в обществе мирозерцание и определяет социальный идеал «общего дела» для всего населения и «образ» будущего для всей страны.

Коммерциализация системы образования обостряет образовательное неравенство, которое воспроизводит неравенство социально-экономическое. Выпускники частных вузов, скорее всего, будут чувствовать себя свободными от обязательств перед государством, поскольку они получили образование за собственный счёт, и, усмотрев выгоду работы в зарубежье, увеличат процент «утечки кадров». Справедливо ли будет им предпосылать упрек в отсутствии патриотизма?

И учащийся, и учитель задействованы не только образовательным процессом, но и погружены в социальную реальность. Декларируется, что человек должен быть наполнен тревогой за судьбу Родины, а общество должно испытывать тревогу за его счастье. Действительность же недвусмысленно свидетельствует о том, что государство не заинтересовано в решении социальных проблем, в том числе и в сфере образования. Одна из причин такого положения, на наш взгляд, доминирование ресурсодобывающего сек-

тора экономики. Реструктуризация отраслей народного хозяйства, осуществлённая за годы реформ, привела к тому, что на ведущей позиции прочно утвердился топливно-сырьевой капитал, который только и оказался по-настоящему конкурентоспособным на мировом рынке. Общемировым предельным уровнем падения производства считается 30-40% от необходимого для нормального функционирования экономики. В нашей стране этот показатель сегодня составляет 47%, т.е. в российской промышленности начался процесс деиндустриализации. По объёмам промышленного производства за время реформ страна отброшена назад на 45-50 лет. По социальным параметрам она приравнивается к отсталым или развивающимся странам. Утрачены ведущие позиции по ряду направлений фундаментальной науки, в оборонном комплексе и в подавляющей части наукоёмких отраслей производства. Закрылись целые НИИ, КБ, научные направления, останавливаются заводы. Труд учёного, конструктора, технолога с остановкой заводов оказался невостребован. В результате возник феномен «сверхквалифицированных» специалистов, которые либо не могут найти соответствующую их знаниям работу, либо, получив её, предъявляют в условиях российского капитализма, когда предприниматель, не получая стопроцентной прибыли, считает себя банкротом, требования «на уровне мировых стандартов», чем нарушают нынешнюю социальную стабильность, основанную на коллективной инфантилизации и фрустрации малоимущих. Таким образом, уровень обучения и образования превышает уровень экономических потребностей промышленности и национального хозяйства. Человеческий – интеллектуальный – капитал имеет тенденцию перетекания в сферу своего потенциального приложения.

Возрастают беспомощность, равнодушие и безучастность, привыкание к государственному насилию, а деструкция ценностных императивов приводит к социальной усталости, провоцирующей иррациональность мышления, мистические настроения, состояние аномии, неверие в собственные силы, ощущение подавленности. Произошел аксиологический переворот. Процесс вестернизации, т.е. заимствование культуры досуга и потребления, зашёл настолько далеко, что происходит отторжение от собственной культуры, её норм и традиций. Если раньше советский человек ощущал себя носителем великой мессианской идеи и был исполнен гордости, то ныне он прагматик и индивидуалист, живущий одним днём. Поэтому сегодня не популярна идея солидарности. Каждый спасается в одиночку: кто коммерцией, кто эмиграцией. Где же она, какова она – идея общего спасения России? Сохранились ли внутренние крепости России как уникальной целостности, априорные категории её самобытности, энтелехия её саморазвития?

Русская идея, как её представляли Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, В. Иванов, В. В. Розанов, Л. П. Карсавин, раскрывающая Божественный замысел в истории России, в утверждении православия, соборности, общинности, сейчас заметно обветшала. Нет смысла её реанимировать. Тем более, что Н. Бердяев отмечал жертвенность и обречённость всех начал русской жизни, когда все значительные события истории, отдельные судьбы, идеи и реализованные проекты оказывались заряженными энергией самоуничтожения: «Русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божия»[1].

С. Н. Булгаков, ярчайший представитель русского духовного возрождения начала XX века, рассматривал национальность через призму категории ответственности. Национальная вера, по его усмотрению, не только не уполномочивает к самодовольству и самовосхвалению, но обязывает быть требовательным, неумолимым, жестким, побуждает к самобичеванию и саморазоблачению. Необходимо трезвое осознание того, что национальность есть, хотя и органичная, но не высшая форма человеческого единения, ибо она не только соединяет, но и разъединяет. Национализм воплощает в качестве нормы отношение к людям другой национальности с демонстративным и осознанным неприятием и враждебностью к ним.

Кроме того, отмечает Булгаков, национальная вера находится в трагическом конфликте с печальной действительностью: «Как не усомнишься в великом предназначении народа, когда его целостность разваливается, а духовный строй отмечен знаками явного вырождения? Тогда огненному испытанию подвергается национальная вера в «святую Русь», в тот «святой остаток», ради которого – в высшем смысле только и существует Россия»[2]. Булгаков полагает, что спасение – в «национальном аскетизме, предполагающем через боль отчаяния и позора взойти к братству единения, содержательное благородство которого находит свое отражение в патриотизме, который обязателен ровно настолько, насколько предосудителен национализм»[2]. В основе патриотизма лежит любовь к Родине как потребность способствовать её процветанию, желание разделить с нею свою судьбу, судьбу всех людей разных рас и вероисповеданий, проживающих в едином отечестве. Патриотизму не свойственен национальный эгоизм и монологизм, патриотизм альтруистичен и диалогичен, это тот род единства, который базируется на многообразии.

Государство корыстно и равнодушно, оно не требует к себе любви, ему важны соблюдение законности и своевременная уплата налогов. Но у каждого нормального человека есть ещё и Отечество, любовь к которому священна, иррациональна, т. е. непереводаема на язык логики и существует вопреки здравому смыслу, как у М. Ю. Лермонтова: «Люблю Отчизну я, но странною любовью! Не победит её рассудок мой!». Это чувство непреодолимой, безраздельной любви свойственно всем патриотам. Английский философ Честертон писал по этому поводу: «Если вы любите Англию как империю, то вы можете её разлюбить после отпада Индии. Если вы её любите как страну, то не разлюбите никогда, даже если она подпадет под власть индусов». Эта любовь не ослепляет. Ясно видишь все изъяны. Она связывает. И чем крепче ты связан, тем яснее видишь. Честертон отождествляет патриотизм с воинской верностью: «Отечество – наша фамильная крепость с флагом на башне, и чем хуже в ней дела, тем меньше у нас прав уйти. Суть не в том, что оно слишком плохо для любви и слишком хорошо для ненависти. Суть в другом: когда вы любите, счастье или несчастье любимого существа умножают вашу любовь»[3]. Честертон поясняет: «Рим полюбили не за величие. Рим стал великим, ибо его полюбили»[3].

В статье «Патриот» (1774 г.) английский историк литературы XVIII века С. Джонсон писал: «Patriotism is the last refuge of a scoundrel». Смысл этого высказывания можно передать следующим образом: даже самый пропавший человек не погиб окончательно, если он любит Родину. В ней его последняя

надежда и спасение. Английское слово «refuge» имеет значение спасительное прибежище, утешение, пристанище. Статья эта не случайно имела подзаголовок «Обращение к избирателям Великобритании». Автор подчёркивал, что «только Патриот достоин места в парламенте. Никто другой не защитит наших прав, никто другой не заслужит нашего доверия. Патриотом же является тот, чья общественная деятельность определяется лишь одним единственным мотивом – любовью к своей стране, тот, кто, представляя нас в парламенте, руководствуется в каждом случае не личными побуждениями и опасениями, не личной добротой или обидой, а общими интересами» [5]. Наша же отечественная «властвующая элита подобна закрытому клубу колониальной администрации, смотрящей на народ как на туземцев» [6].

Президент Клинтон однажды в сердцах воскликнул: «Ну неужели русские не понимают, что больше всего они нуждаются в Рузвельте, в общественных работах?». Действительно, трудно себе представить, что в стране, где нет дорог, есть десять миллионов безработных. Причиной абсурдности этого положения является, на наш взгляд, то, что в настоящее время реально осуществляется концентрация экономических и политических ресурсов страны в руках узкой группы, слабо связанной с национальными интересами страны. Складывается анклавный капитализм, при котором на экономической карте России появятся несколько зон процветания, притом как остальной массив страны останется депрессивной зоной.

Быть патриотом означает всегда и всюду ощущать свою сопричастность к тому, что происходит в отечестве. Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Если я разделяю унижение моего дома, я могу повлиять на его судьбу. Он неотделим от меня, как я неотделим от него. Но если я не приму на себя его унижения, мой дом, брошенный на произвол судьбы, погибнет, а я пойду один, покрытый славой, но ещё более ненужный, чем мертвец» [18].

Патриотизм рождается как ответ на государственный кризис, когда из народных недр появляются, например, Минин и Пожарский, и в кажущемся хаосе начинается процесс самоорганизации, процесс разрешения накопившихся противоречий. Важнейшая функция патриотизма – объединение разнородного конгломерата людей, для которого ослабли или нарушены первичные социальные связи и которые сталкиваются с государством как чужеродным и репрессивным началом. Социально-исторический смысл патриотизма заключается в том, что население страны, преодолевая духовный, политический, социальный распад, превращается в народ, имеющий единое Отечество, на защиту которого поднимается каждый. И. А. Ильин особенность исторического пути России видел в непрерывном отстаивании её независимости и суверенитета: «История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар до великой войны двадцатого века». Своеобразие нашей истории в том, что заботой нашей было не как легче прожить, а лишь в том, как выжить, «продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность; не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье изжить...» [8]. Особенностью нынешнего системного кризиса является то, что он вызван не внешней экспансией, а порождён непрофессионализмом и непатриотизмом властвующей элиты, начавшей посттоталитарную модернизацию страны, приведшую к почти тотальной

деиндустриализации и к созданию перераспределительного номенклатурного капитализма, поставившего страну в условия зависимого, догоняющего развития. Кроме того, переход к рынку был осуществлён без перехода к гражданскому обществу. Следствием этих реформ в сфере общественного сознания оказались, с одной стороны, духовное опустошение, с другой – идеологическое разоружение. Современная властвующая элита не способна задавать социально значимые модели поведения, что является свидетельством её деградации.

В словаре А. Даля обозначен смысл патриотизма: «Патриот – это отчизнолюб, отечественник, ревнитель блага для оного. Патриоты – доброхотящие Российскому царству»[4]. Национальная патриотическая идея России является живым отрицанием как темного этнизма, так и дремучего провинциализма. Она реализуется и в сакральных невербализуемых переживаниях, и в деятельной творческой активности, создающей процветание Родины. Патриотизм освещен традициями, воплощается в героях, живет в легендах, воспроизводится в повседневном опыте народа. Однако в морально-психологической обстановке нищеты и нагнетания бездуховности, психоза неуверенности в завтрашнем дне и ущемленной гордости дня вчерашнего возникает почва для быстрого роста национального эгоизма. Патриотизм, травмированный крушением надежд на политическое и экономическое возрождение, способен «выродиться в болезнь национализма». Фазиль Искандер справедливо отмечал: «Обесчещенные ненавидят друг друга. Когда общество отнимает у человека его социальное достоинство, национальное достоинство неожиданно раздувается как раковая опухоль. Общество должно вернуть человеку его социальное достоинство, и тогда национальная опухоль сама рассосется»[9]. Этнический национализм преодолевается патриотизмом, утверждающим идею солидарности. В патриотизме воплощен синкретический комплекс российской духовности как единство мессианизма, аскетизма и жертвенности. Безусловно, справедлива указанная Г.Гусейновым ближайшая цель – «выработка конкретных правовых норм, обеспечивающих приоритет личности – с ее моно-, поли- или вовсе безэтнической ориентацией – перед любыми, этническими в том числе, сообществами»[3].

Если этнос является природным образованием, то национальная принадлежность – феномен социально-психологический, являющийся прерогативой самосознания человека и его свободного выбора. С этничностью человек рождается, национальное он приобретает, вращая в определенную культуру.

Между «национальным» и «личностным» существует противоречие, свойственное всякому противоречию группового и индивидуального сознания. Так, национальная принадлежность в конкретных ситуациях может потребовать от человека частичного отказа от своей индивидуальности, личных интересов, личной точки зрения. Нация может потребовать человека целиком до полного растворения в идентичности. В этом случае национальное единство возводится в культ, в абсолют, мистифицируется в качестве высшей цели и сакрального смысла. Альтернативная позиция не просто теоретически отрицается, но объявляется враждебной до такой степени аффектации, что следует физическое уничтожение ее конкретных носителей. Тому свидетельству – бесчисленные жертвы межнациональных конф-

ликов. Националистическая идея атавистична, она противоречит идее суверенной личности. Речь идет о приоритете и иерархии ценностей: что есть высшая ценность: этнос или индивид?

В настоящее время бессмысленно связывать национальную принадлежность с «чистотой крови». Зарубежные генетики давно установили, что ни один из народов Земли не сохранил набор генов своих дальних предков. Войны и вторжения, угон в плен и работорговля, перекочевки и расселения перемешали род человеческий настолько, что сегодня бессмысленно говорить о чистоте крови.

Национальный вопрос не утратит своей остроты до тех пор, пока не возобладает здравый смысл в экономической политике. Экономическая взаимозависимость делает насущной потребность взаимодействия этносов. В этой перспективе есть смысл сформулировать потребность в формировании национального гуманизма как типа мышления и поведения, ориентированного на патриотические ценности.

Произошедшее сегодня разрушение единого экономического и духовного пространства не улучшило жизнь людей, населявших прежний СССР, а ухудшило. «Свобода суверенитетов, – пишет Р. Ф. Явчуновская, – для многих обернулась бегством в «пасть дракона» национализма и национальной ограниченности»[19].

Многими людьми начинает осознаваться смысл современного мышления как принципиально диалогового, преобразующего ситуацию конфронтации в компромисс и сотрудничество. Интернационализацию в этой связи можно рассматривать как форму межэтнического диалога, поскольку межэтнические отношения и связи должны соответствовать обоюдным интересам, основанным на равноправном партнерстве.

Для сохранения этноса необходимы не морализаторство и символическая магия, а реализация эффективной рациональной программы сосуществования с другими этносами. Нация сплачивается не страхом самораспада, а сотрудничеством в творческой работе, соучастием в строительстве жизни, в укреплении созидательного начала. Русский философ В. Соловьев писал: «Как отдельные человеческие личности, так и целые нации стоят перед задачей восполнить друг друга, не утрачивая своего оригинального своеобразия, а наоборот, являя его в предельной простоте. Истинное единство народов есть не однородность, а всенародность, т.е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого»[12]. Не надо забывать, что обостренное фиксирование приоритета национальных ценностей воплощается зачастую в самых различных формах национализма, а поверхностно понимаемый интернационализм – в национальный нигилизм. Подлинный суверенитет начинается с суверенитета личности.

Национальные проблемы не разрешаются без углубления демократизации жизни, без социального раскрепощения и плодотворного решения экономических проблем. Не существует отдельно взятой национальной свободы без свободы в общечеловеческом ее понимании. Г.Гусейнов еще в 1991 году утверждал, что идея суверенитета отдает «старым могильным смрадом», что постулат «считать нацию политическим субъектом – один из самых опасных»[3]. Единственный путь избежать насилия – это деэтнификация государственного устройства и деполитизация национальных отношений; на-

циональность должна стать частным делом гражданина, объектом его языковых, традиционных, бытовых предпочтений, то есть результатом его культурного самоопределения.

П. Сорокин отмечал, что одной из главных причин распада «коллективного единства» является «инстинкт самосохранения»[14]. Учитывая приоритетность личностных прав в национальном вопросе, аморально рассматривать эмиграцию как измену нации, национальным интересам. Марина Ивановна Цветаева, беженка и изгнанница одновременно, трагически переживала утрату Родины как свое сиротство. Земля прочна под ногами только в родном краю, а на чужбине «земля непрочна». «Потому что малейшая искра, – поясняла великая поэтесса, – и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще несправедливыми, несправедливыми разрядами. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, – непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты – мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборейца, товарищи не по несчастью, а по опасности. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни...»[16]. Эмиграция – законное право каждого, не заслуживающее морального осуждения. Покидающих Родину под натиском враждебных обстоятельств не стоит оправдывать, поскольку оправдывают виноватых. Нет вины на тех, кто, спасая себя и своих близких от поругания и уничтожения, покидает Отчизну. Цветаева поясняет: «Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть»[16].

Историческая родина каждого человека – та земля, на которой он родился и сформировался как личность. Российское государство складывалось как огромное многонациональное образование. Борис Константинович Зайцев (1881–1972), русский писатель и патриот, отмечал национальный и культурный синкретизм российской самобытности: «Мы не только славяне и татары, мы наследники Византии. Родина наша была и есть гигантский котел, столетиями вываривавший из смеси племен и совсем свое, и совсем особенное»[7]. Россия развивалась как цивилизационная общность наций и народов. Российское национальное единство, лишённое этноцентризма, изначально оформлялось как единство своеобразия и разнообразия. Устойчивость целостности России как государства определялась, помимо всего прочего, становлением особого психического типа россиянина, живущего на огромных пространствах, административные единицы которого оформлялись не по этническому признаку. Поэтому национальная идея России – идея Отечества и братства. Она иррациональна, живет в глубине сердца. Очень точно выразил это особое состояние Юсуф Сарваров, турок-месхетинец: «Мы носили свою родину в сердце, и только вместе с ним это чувство может исчезнуть»[15].

Особую уникальность России как многонационального государства, имеющего единую – высочайшую культуру, подчеркивал русский философ К. Н. Леонтьев (1831–1891 гг.). Русскую нацию он рассматривал как соборный организм, как культурно-эстетическую субстанцию национального развития, а культуру – как основу развития национального. Его призыв – крепко стоять на почве традиций, укреплять своеобразие националь-

ного и государственного устройства – был обречен остаться неуслышанным. К. Н. Леонтьев усматривал чудовищную опасность в европеизации России, в попытках «развивать» её по западному образцу, ведущих к космополитизму и мещанству, национальному обезличиванию и опошлению культуры. В письме к О. И. Фуделю он писал: «... Россия должна все-таки разниться от Запада и государственным строем своим. Иначе она не главой религиозной станет над ним, а простодушно и по-хамски сростется с ним ягодицами демократического прогресса (родятся такие уроды – ягодицами срослись)», а потому Европа – «пример для неподражания»[10]. Понимая национальное начало эстетически, как феномен культуры, Леонтьев не испытывал сомнений по поводу того, что приобщение к буржуазной цивилизации неотвратимо приведет к деградации русской духовности и утрате национально-культурного своеобразия России.

Мыслителю была чужда доктрина мирского счастья, ибо «царство Божие внутри нас есть», в миру ему не быть никогда. Социальный утопизм в любой его форме, в том числе и националистической, бесплоден. «Нации и государства, – писал К. Н. Леонтьев, – суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно осознанные законы природы и истории»[11].

Нация часто выступает в качестве объединяющей идеи. Её делают знаменем, когда народу приходится защищать свои права. Национальная идея, как и любая другая, не стоит человеческих жертвоприношений. Общеизвестно, что людскую количественную совокупность превращают в нацию два фактора – общее великое прошлое и общие, не менее великие, планы на будущее.

Величие России в её тысячелетнем движении – в объединении усилий, направленных на её процветание. Необходима чёткая, всем понятная стратегия развития России на ближайшие годы. Прежде всего, необходима модернизация промышленного сектора и развитие высоких технологий, концентрация всех сил и средств нации на основных направлениях экономического и научно-технического прогресса. Национальная идея определяется коллективной целью общественного производства конкретной страны. Если мы хотим сформулировать национальную идею России, то необходимо определить смысл наших практических усилий в сфере материальной деятельности. Это означает конкретную работу всех по превращению России в сильное, независимое, экономически развитое и процветающее государство. Идея патриотизма по своему интегрирующему потенциалу адекватна существующему в нашем отечестве разнообразию традиций и культур.

Идея России – общенациональная, патриотическая идея. Ядро её духовности – память о родстве в духе, а не в «почве и крови». Любить – не значит превозноситься, презирая других, любить – значит реализовывать родство объединения в могуществе Родины.

Средством достижения этой цели является демократическое, правовое государство, то есть государство с управляемой рыночной экономикой, ориентированной через социальную политику и систему налогов на развитие человека. Не человек для государства, а государство для человека. В таком

государстве приоритетами становятся здравоохранение, образование, жилищное строительство, наука, культура. Развитость государства определяется не величиной валового внутреннего продукта, а «сбережением народа» (М. В. Ломоносов), производством «человеческого капитала». Целью патриотического воспитания является формирование потребности в создании именно такого государства, для чего насущной необходимостью становится культивирование во внутреннем мире воспитуемого совестливой ответственности, правовой компетентности, гражданской активности.

Современный светский гуманизм является воплощением антропоцентризма в нашу эпоху. Иммануил Кант считал, что образование возжигает для каждого «естественный свет разума», с помощью которого человек обретает ценностное зрение, научно вооруженное и совестливо ответственное, т.е. становится по-настоящему совершеннолетним. В этом случае появляется созидательная воля к согласию, закладывающая основы подлинного патриотизма, который может рассматриваться в качестве идеологии национального возрождения. Этот великий коллективный проект способен заполнить идеологический вакуум и воззвать энергию гражданского общества к максимализации возможности выигрыша в условиях свободной соревновательности и социокультурной открытости. Система образования должна быть направлена на формирование ценностно-нормативного согласия в культуре, предполагающего ориентацию на воспитание личности, способной освоить массив профессиональных знаний и приобрести качество социально-гражданской ответственности, воплощенной в патриотизме.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. Я. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – №2. – С.94.
2. Булгаков, С. Н. Размышление о национальности // Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991. – С.182-183.
3. Гусейнов, Г. Как решается «решенный» национальный вопрос / Г. Гусейнов // Социум. – 1991. – №2. – С. 49.
4. Даль, А. Толковый словарь русского языка / А. Даль. – М., 1989. – С. 98.
5. Джонсон, С. Патриот / С. Джонсон / Цит. по: Н.Ефимов // Независимая газета. – 2000. – 24 июня.
6. Дугин, А. Г. Новый интеллектуальный порядок / А. Г. Дугин // Русский журнал. – 2002. – №12 – С. 52.
7. Зайцев, Б. К. Слово о Родине / Б. К. Зайцев // Литературное обозрение. – 1991. – №2. – С.2.
8. Ильин, И. А. О патриотизме / И. А. Ильин // Собр.соч.: В 10 т. – М., 1994. – Т.4. – С. 243.
9. Искандер, Ф. Стоянка человека / Ф. Искандер. – М., 1998. – С. 102.
10. К. Леонтьев – наш современник. – СПб., 1993. – С. 7.
11. Леонтьев, К. Н. Антология / К. Н. Леонтьев. – СПб., 1995. – Кн. 1.
12. Соловьев, В. С. Сочинения: В 2 т. / В. С. Соловьев. – М., 1989. – Т. 1. – С. 273.

13. **Сорокин, П. А.** Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М., 1994. – С. 149.
14. **Сорокин, П. А.** Система социологии: Учение о строении простейшего (родового) социального явления / П. А. Сорокин. – М., 1993. – Т.1. – С. 419.
15. **Союз.** – 1990. – № 23. – С. 19.
16. **Цветаева, М.** Соч.: В 2 т. / М. Цветаева. – М., 1988. – Т.2. – С. 23.
17. **Честертон, Г. К.** Вечный человек / Г. К. Честертон. – М., 1990. – С. 240.
18. **Экзюпери, Антуан де Сент.** Планета людей / Антуан де Сент-Экзюпери – М., 1991. – С.82.
19. **Явчуновская, Р. А.** Социальная экология этносов / Р. А. Явчуновская. – М., 1995. – С. 84.